

Андрей А. Котов (Петрозаводск)

Опыт прагматического анализа «Жизнеописания Аввакума». Использование прилагательных- предикатов

✦ Ключне речи:

Лингвистическая прагматика, «Житие» Аввакума, адресант и адресат, прилагательное-предикат, мозаичный пейзаж, пресуппозиция, сообщаемое, эмоциональность, экспрессивность.

В последние десятилетия лингвистика отказывается от изучения языка как исключительно замкнутой в себе упорядоченной системы и активно занимается изучением именно «внешних» условий его функционирования. Широкая область исследований, связанная с разнообразными и многочисленными факторами протекания речевой коммуникации, получила название лингвистической прагматики. Можно сказать, что в самом общем виде прагматику интересует все то, без чего не обходиться ни один ком-

Употребление дугих и кратких придева-предикатива у руском језику представља питање које се и данас активно разматра у лингвистичкој литератури. Аутор разматра описе пејзажа у једном од најзанимљивијих споменика руске књижевности XVII века, „Житију Авакума“, примењујући поступак прагматичке анализе текста односно семантичке анализе реченице. Долази се до закључка о нарочитој улози предикативних придева како са самог стилистичког аспекта тако и у смислу њихове повезаности са социокултурним одликама конкретне епохе.

муникативный акт и, как следствие, без чего значение предложения, как основной коммуникативной единицы, едва ли может быть описано достаточно полно.

Прагматический анализ предполагает характеристику и учет как минимум нескольких составляющих ситуации, которая складывается при формировании и функционировании высказывания. Необходимо знать:

- 1) кто является автором высказывания (текста) – адресантом, а кто получателем – адресатом;

Система 2006

- 2) каковы цели и намерения адресанта (в конечном итоге, на какой перлокутивный эффект он рассчитывает) и ожидания адресата;
- 3) каковы внешние условия протекания коммуникативного акта – время, место, обстановка и проч.

Обычно все эти условия хорошо анализируются, когда мы имеем дело с диалогической живой речью (хотя бы и письменной фиксации), когда лингвист вполне может поставить себя на место одного из участников коммуникации и своим собственным примером подтвердить или опровергнуть что-либо или обратиться к аргументам узуса. Сложнее дело обстоит с письменным текстом несовременной нам эпохи, с письменным памятником, отделенным несколькими столетиями. В этом случае исследователя ожидают 2 угрозы: во-первых, немалая доля гипотетичности любого предположения, во-вторых, неизбежный и, как кажется справедливый, упрек в субъективизме. Мы проанализируем небольшой фрагмент известного и хорошо изученного «Жития Аввакума» – его пейзажные описания.

Исследователи отмечают, что художественные описания природы не были свойственны житийной литературе. Описания и пейзажи не выходили за пределы необходимых сведений об окружающей среде (в этом прослеживается сходство традиций житийной литературы и статейных списков русских посольств). Так, хронологически близкое сочинению Аввакума «Житие Епифания» не содержит в силу своей «эгоцентричности» подобных пейзажей.

А. Н. Робинсон писал: «Широта охвата объектов жизни и проблем, которыми характеризуется автобиография Аввакума, проявляется в том, что он впервые создает великолепные пейзажи сибирской

природы, отчасти тяготеющие к народно-поэтическим представлениям о ней» (Робинсон 1963: 81). Пейзажи Аввакума, помимо описаний реалий природы, имели автобиографическую ориентацию, переплетались «с его философскими размышлениями о человеке вообще и о самом себе» (Робинсон 1963: 81–82). По мнению А. Н. Робинсона, создаваемое Аввакумом «описание связывает картину природы с противопоставленным ей образом неправедного человека (воеводы), который в отличие и от людей, и от всякой “твари” будто бы один противится богу своими действиями» (Робинсон 1963: 82).

С лингвистической точки зрения нас интересует конкретный грамматический вопрос: выбор грамматической формы именного (адъективного) сказуемого – полного прилагательного. Вопрос о предикативном функционировании прилагательного заинтересовал русских языковедов еще в 19 столетии. Несмотря на огромное количество работ, так или иначе касающихся этой темы, единая стройная концепция до сих пор не создана. Мы проведем анализ фрагмента «Жития Аввакума» с точки зрения того, как прагматика текста может быть связана с его грамматическими особенностями. Оговоримся сразу: возможно иное, более простое обоснование, которое мы приведем в конце статьи.

Для начала обрисуем фигуры адресанта и адресата, их цели, особенности протекания коммуникации.

Адресант – опальный протопоп, один из идеологов и вождей общественно-религиозного движения старообрядчества XVII в. Поскольку «Житие» создавалось в расчете на самую широкую аудиторию и имело широкое хождение, можно утверждать, что адресат – любой русский человек православного вероисповедания

– возможно, грамотный, а возможно, и нет, воспринимающий текст изустно.

Можно вполне определенно обрисовать цели создания Аввакумом своего текста: во-первых, разоблачить противников старообрядчества (в том числе служителей царской власти) и одновременно вербовать сторонников; во-вторых, утвердиться в глазах единомышленников и укрепить их веру; и в-третьих, как нам кажется, создать соответствующее представление у потомков. Об авторской ориентации на потенциального читателя (слушателя) можно судить по тому факту, что из состава «Жития» редакции 1674 г. (так называемой «третей» редакции) Аввакум исключил «ряд эпизодов, могущих вызвать сомнения у единомышленников в правильности его поступков» (плдр 1989: 638).

Таким образом, адресант – конкретное лицо, адресат – фигура хотя и не единичная, но и не абсолютно абстрактная. Отношения между ними зависят от того, кто конкретно займет *позицию получателя* аввакумовского послания, ведь не случайно на страницах «Жития» автор ведет, отступая тем самым от канона, «непрерывный, эмоциональный и насыщенный размышлениями диалог... с собеседником и читателем» (плдр 1989: 638, см. также Робинсон 1963: 15–17, Демин 1977: 145–148). Соотношение фигур адресанта и адресата представлено в схеме 1.

Зададимся вопросом: с какой целью Аввакум развертывает перед читателем свои пейзажи? С одной стороны, чтобы

дать подробное описание мест Пустозерского острога, куда он был сослан, в чем, в частности, проявляется отступление от жанрового канона, о чем мы говорили выше. С другой стороны, пейзажи «Жития» имеют автобиографическую ориентацию и должны подчиняться главной цели, преследуемой Аввакумом, – убеждать и проповедовать. Приведем текст:

О, горе стало! Горы *высокия*, дебри *непроходимыя*, утес *каменной*, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голву! В горах тех обретаются змеи великие, в них же витают гуси и утицы – перие *красное*, вороны *черные*, а галъки *серые*. В тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята *индейские*, и бабы, и лебеди, и иные дикие, – многое множество, птицы *разные*. [...] На те горы выбивал меня Пашков, со зверми и со змиями, и со птицами витать (здесь и далее текст приводится по Робинсон 1963: 149).

Весною на плотях по Иногде-реке поплыли на низ. [...] Стало нечаво есть; люди учили з голоду мереть и от работных водяных бродни. Река *мелькая*, плоты *тяжелые*, приставы *немилостивые*, пальки *большие*, батоги *суковатые*, кнуты *острые*, пытки *жестокие* – огонь да встряска! – люди голодные: лишю станут мучать, ано и умрет! Ох, времени тому!

289

Схема 1

Адресант	Адресат
Аввакум	→ противник/потенциальный противник}современники → сторонник/потенциальный сторонник}современники → потомки

Не знаю, как ум у него отступилъся! (Робинсон 1963: 151)

Отметим несколько особенностей. В первых, созданное Аввакумом описание «преувеличено»: автор «исподволь «сгущает» картину, добиваясь изобразительного эффекта» (Демин 1977: 141). Аввакум использует принцип панорамно-мозаичного построения, когда один компонент является значимым лишь в соседстве с другим (см. подробнее Демин 1966: 402–407). Создается выставка реалий сибирской природы: мини-картины следуют одна за другой, автор описывает наблюдаемое им с близкой перспективы, вследствие чего достигается общий эффект (см. Демин 1977: 141–142). Этим можно объяснить выбор синтаксических структур.

Во-вторых, Аввакум искусно подбирает и группирует ряды прилагательных-предикатов с четко «прочитываемой» отрицательной коннотацией: *высокий, непроходимый, каменный, красный, черный, серый; мелкий, тяжелый, немилостивый, большой, суковатый, острый, жестокий, голодный*. Создаваемая ими экспрессия усиливается авторскими ремарками и восклицаниями, формирующими особый контекст, в который помещен пейзаж.

Мы подошли непосредственно к вопросу о роли грамматической формы предикативного прилагательного применительно к тем прагматическим условиям, которые описаны выше. Чтобы выяснить это, приведем высказывание Б. М. Гаспарова: «Различие позиции, занимаемой говорящим по отношению к адресату в связи с выбором *Sh* либо *L* (краткой либо полной формы предикативного прилагательного – А. К.) можно описать как различие между стремлением создать объективированное утверждение, с одной стороны, и стремление к контакту, к эмпатии – с другой. В первом случае

говорящий исходит из некоторой презумпции, по отношению к которой он нечто «сообщает» своим высказыванием. От адресата ожидается, что он обладает надлежащим предварительным знанием, позволяющим адекватно воспринять смысл сделанного... сообщения. [...] В отличие от этого, высказывание с *L* не нуждается в презумпции; оно указывает на непосредственно возникшее впечатление или ощущение. Но именно поэтому такое высказывание нуждается в эмпатическом соучастии говорящего» (Гаспаров 1996: 237).

Поскольку «Житие» адресовалось многим, в том числе и неграмотным, смысл синтаксической структуры может изменяться в зависимости от того, кто и как прочитает один и тот письменный текст. Если схематично представить семантическую структуру одного из формирующих пейзажный контекст предложений (предикативных единиц) как двухкомпонентную, т. е. 1 – пресуппозиция, 2 – сообщаемое (ассертивный компонент), то мы получим 3 возможных варианта прочтения.

Вариант I: *Горы – высокие*
(двусоставная конструкция)

1. существуют горы
2. они высоки (-ие)

Вариант II: *Горы высокие!*
(конструкция представления).

1. существуют высокие горы
2. я оцениваю их эмоционально (их высота вызывает у меня определенные эмоции)

Вариант III: *Горы – высокие!*
(двусоставное «эмпатическое» (термин Б. М. Гаспарова – А. К.) предложение).

1. существуют горы
2. они столь высоки, что

вызывают у меня определенные эмоции.

Для Аввакума более важна не передача информации «объект → признак» другому лицу (гора здесь не *низкая* или *крутая*, но – *высокая* и т. п.), это более свойственно авторам путевых записок. Аввакуму, идеологу старообрядчества, важно создать *особое, строго направленное и связанное с общим ситуативным, историческим контекстом впечатление и передать его* читателю-собеседнику. Это особое впечатление, ощущение от текста, (можно назвать его перлюктивным эффектом) «программируется» автором и *должно* возникнуть «как бы» самопроизвольно.

Приблизительно мы сформулируем его так: рисуемые Аввакумом природные картины создают у воспринимающего их адресата определенные неприятные ощущения → адресат делает вполне логичный вывод: условия, в которых оказались опальный протопоп и его семья, ужасны и невыносимы → на их фоне резче оттеняются терпимость и человеколюбие Аввакума в противоположность жестокости и бессердечию его врагов, конкретно – воеводы Пашкова (что тождественно выводам А. Н. Робинсона).

Становится очевидным выбор полного прилагательного, но возникает вопрос о предпочтительности вариантов лингвистического прочтения. Первый не удовлетворяет коммуникативным установкам автора. Варианты II и III праг-

матически равнозначны: как в конструкции представления, так и в двусоставном «эмпатическом» предложении на первый план выдвигается выражение определенного чувства, передача эмоциональных ощущений.

Может возникнуть следующий вопрос: а стоит ли «перегружать» столь пространными объяснениями собственно грамматическое явление – использование предикативных полных прилагательных. Не проще ли объяснить их появление в тексте вполне традиционно тем, что Аввакум в «Житии» активно использует живую речь, а, как известно, в разговорной речи предикативные краткие формы прилагательного, за исключением пословичного жанра, почти не употребляются. На это мы возразили бы так: во-первых, в тексте «Жития» краткие предикативные формы прилагательных не менее активны и частотны; во-вторых, Аввакум создавал «Житие» как художественно обобщенное сюжетное повествование; в-третьих, вряд ли Аввакум при написании текста рассуждал так, как рассуждаем мы – но, как человек, владеющий словом, умеющий подбирать слово, как носитель языка, чувствующий язык, он интуитивно, на уровне языкового сознания, чувствовал определенную разницу в употреблении той или иной языковой формы.

Описанные особенности текста, по нашему мнению, в том числе позволяют лучше понять специфику использования полных и кратких прилагательных-предикатов в русском языке.

summary

Σ On pragmatic analysis of Avvacum's Hagiography. Usage of the predicative adjectives

The article deals with specific features of using predicative adjectives in one of the most interesting monument of Russian literature of 17 century, Avvacum's Hagiography.

The author applies pragmatic description of the text including pragmatics of sender and addressee, epistemic attitudes of the writer, connected with the cultural and social features of the epoch.

The author gives a detailed consideration of the specific features of using full predicative adjectives in landscape sketching of Avvacum's Hagiography.

As a result the author draws the conclusion not only about the role of the stylistic devices of these forms in the text but also pays special attention to the realization of the aims pursued by the writer of the text – archpriest Avvacum.

292

Литература

- Гаспаров 1996: **Гаспаров, Борис Михайлович**. Функция и значение грамматической формы: употребление кратких и полных прилагательных в современном русском языке – In: Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. Москва, 1996. S. 221–240.
- Демин 1966: **Демин, Анатолий Сергеевич**. Наблюдения над пейзажем Аввакума в «Житии» протопопа Аввакума – In: Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Труды Отдела Древнерусской литературы. Т. 22. Москва – Ленинград: Наука, 1966. S. 402–407.
- Демин 1977: **Демин, Анатолий Сергеевич**. Русская литература второй половины 17- начала 18 века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. Москва: Наука, 1977.
- плдр 1989: **Памятники литературы Древней Руси: XVII век**. Книга 2. Москва: Художественная литература, 1989.
- Робинсон 1963: **Робинсон, Андрей Николаевич**. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. Москва: Издательство АН СССР, 1963.